HAMAZEHIE

ВЪ РАСПЛОХЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СОТОВАРИЩАМЪ МОИМЪ

КОННО-АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ

№ 26 РОТЫ.

I.

подъемъ.

Да, счастье, у кого есть эдакой сынокъ — Имъетъ, кажется, въ петличкъ орденокъ?

«Вставай, ребята! Полно валяться на ржаныхъ пуховикахъ Пана Родомантовскаго, вставай! съдлай! Солнце Подольское уже вышло изъ-за Жидовской

корчмы, утки и бабы полощутся въ грязномъ ставкъ, пора ъхать!»

прогремѣлъ зычнымъ голосомъ плотный, невысокій, плъшивый усачъ въ архалухѣ, полосатомъ СЪ длиннымъ зубахъ; чубукомъ ВЪ громкимъ СЪ хохотомъ поправилъ красную феску свою, и началъ стаскивать шинели и бурки съ офицеровъ и юнкеровъ своего эскадрона, лежавшихъ, восемь человѣкъ мужескаго пола, повалку, разостланныхъ ВЪ на снопахъ соломы.

полураздѣтые Полуодътые, герои вскакивали, хватались за одежду, скликали Васекъ, Ванекъ и Мишекъ своихъ; одинъ кричаль: трубку! другой: сапоги! третій: умываться! А эскадронный командиръ къ каждому изъ сихъ командныхъ словъ приговаривалъ во все драгунское горло: «а между прочимъ – водки!» Мертвая тишина шумный, многоязычный обратилась ВЪ хаосъ; отрывки Турецкихъ и Молдавскихъ изръченій свидътельствовали объ участіи дѣлахъ драгуновъ нашихъ ВЪ И славъ Забалканскихъ, а восклицанія: «всшисцы дьябли, и коханый!» о нынъшней стоянкъ въ Польшъ.

Куда поѣдемъ сегодня, же МЫ Капитанъ? спросилъ маменькинъ сынокъ, Поручикъ Охинъ. – «Не сидъть же намъ сиднями» возгласиль тоть, и не волочиться тебъ. ухо-парню, однѣми за да замарашками! Жидовками, Быть Огиркахъ; и не видать панянокъ мосци пана добродзія Жабруцкаго, это значить — быть въ кунсткамеръ и не видать слона! Быть въ Римъ и Папы не видать! Мое красное времячко умчалось вмъстъ съ темнорусыми волосками чела моего, которые вътеръ разнесъ одинъ по одному, и развѣялъ по обширному лицу нашего Царства! Но я Ляхотокъ, знаю помню И И васъ. хочу пустить новичковъ, ВЪ колею слѣдамъ нашимъ! Вы еще молоды, зелены, смѣлы, но погодите, я васъ всѣхъ поставлю съ лѣвой ноги въ галопъ! Сѣдлай, ребята! съдлай, время ъхать!»

«Ванюшка! чаю!» закричалъ Охинъ — «А между прочимъ водки!» прибавилъ Капитанъ. Китайцы пьютъ чай изъ

фарфоровыхъ чашекъ! Цѣдятъ воду сквозь желудки свои бархатные! Ужъ цѣди, не цѣди, вода есть, вода и будетъ!»

1.

Вода для прачекъ и для Турокъ, Для пароходовъ, для гусей, Для тонкихъ, бѣлорукихъ цурокъ, Лицетворительницъ мазурокъ, Вода — для дѣвокъ и дѣтей!

2

Гусаръ бутылкамъ рубитъ шеи, Шампанскимъ топитъ, не водой, Уланы, спѣшившись, траншеи Ведутъ подъ Дона батареи, А латникъ пьетъ лишь пуншъ крутой! 3.

Драгунъ коня поитъ водою, И Турокъ топитъ не въ винѣ, А пьетъ, что поднесутъ порою; Кромѣ съ водой и съ квасомъ, къ бою Хоть съ чѣмъ готовъ, и на конѣ!

«Пей!» продолжаль онь, подавая чарку Карачуну, сочинителю этой пѣсни, «пей, хохоль, да садись на коня!»

Взнузданные кони ржали подъ крыльцемъ; драгуны, потирая ихъ полами шинелей своихъ, на нихъ покрикивали; Жиды, снявъ мохнатыя шапки и сбившись кагаломъ ВЪ кучку, стояли почтительномъ отдаленіи, и, въ ожиданіи, любуясь лошадьми, бормотали всегда по семи вдругъ. Не смотря на раннее утро, эконома, Пана окна Комисаржа, Пана Рахмистра, Пана Кассира растворились, и бѣлокурыя головки мелькомъ выказывались. Босыя дъвки, въ шерстяныхъ тъсно обвитыхъ запаскахъ, съ шерстяною тесьмою И двумя бархатокъ пучечками калины ИЛИ присъдая головѣ, ноготковъ на тяжелыми ведрами, или подъ связками мокраго бълья на зыбкомъ коромыслъ, иноходью пробъгали базарную площадь. Мърно выступая подъ большимъ выокомъ однозвучно побрякивали драгуны съна, шпорами рѣдкіе удары валька отголоски ихъ звонко отдавались плотины. Вычищенные кони полуэскадрона стояли смирно со вздернутыми къ верху

мордами у высокой коновязи, водили чутко слову дежурнаго унтеръушами и ПО «торбы навѣшивать!» офицера: всъ и дружно зашевелились ВЪ голосъ офицерскіе заржали кони подъ оглядываясь крыльцемъ, назадъ, имъ отвъчали, герои наши, И подъ предводительствомъ эскадроннаго командира, шумною толпою выступили на «Если Полковникъ будетъ,» – Капитанъ, закричалъ занося ногу стремя, Вахмистру, ожидавшему у крыльца приказаній, — «то я въ табунъ уѣхалъ!» Облако пыли и конскій топотъ помчались мимо растворенныхъ оконъ панскаго двора, гдъ шумные клики замолкли и фуражки вѣжливыхъ мелькнули рукахъ ВЪ Царинный, всадниковъ. завидѣвъ скрипомъ, низкія, издали, отперъ co широкія, длинныя, стержив, ворота, на ведущія изъ села въ поле, и, бросивъ шапку на землю, долго глядълъ имъ вслъдъ, и, казалось, почесывая голову, ИМИ любовался.

II.

Противурѣчье есть, и многое не дѣльно! Грибопдовъ.

Выѣхавъ за село, поудержали кавалеры наши коней и поѣхали шагомъ.

Разговоры военнослужащихъ ограничиваются, какъ то И BO всякомъ сословіи бываетъ, кругомъ мыслей, возбуждаемыхъ предметами, быту сословія сего свойственными. Первая вещь офицера, пъшаго, служба; коннаго И непосредственно за нею слѣдуютъ толки, суды и пересуды о тъхъ, непосредственной власти коихъ они подчинены; а потомъ, будто отдыха отрады, какъ ДЛЯ И обращаются воспоминаніями и надеждами своими на неизсякающій душепитательный

предметъ, занимающій болѣе или менѣе глубину души каждаго.

«Пошли Богъ скорѣе ремонтъ,» сказалъ Капитанъ: — «скучно объѣзжать этихъ беззубыхъ клячъ, которыхъ, подъ Карасу, едва живыхъ, на подпругахъ, водили на водопой и съ водопоя. Я уже опять наизустъ знаю каждый уголъ манежа, гдѣ которая изъ нихъ съ ноги сбивается и гдѣ жмется къ барьеру.»

«Пошли **Б**огъ ремонтъ,» прибавилъ одинъ изъ товарищей, тотъ же Карачунъ: «и пошли Богъ терпънія! Меня ознобъ до пронимаетъ, подумаю, какъ мозговъ сколько туть будеть, день за день, крику, шуму, визгу, и все это о ничемъ! А кто болѣе наконецъ страдаетъ при этомъ всѣхъ? Онъ же самъ; его чувствительное mein gefAhlvolleə Нѣмецкое сердце, deutəcheə Herz, какъ онъ самъ его изволитъ величать, не можеть перенести равнодушно этихъ вспышекъ, взрывовъ и покушеній спятить съ ума; и слъдствіемъ всего этого бываеть — желчная горячка!»

возразилъ Костроминъ: ≪твоя правда. Странно, что люди, какъ онъ, живуть въ двухъ лицахъ. Въ обращеніи съ обществомъ, съ людьми посторонними, это совсѣмъ человѣкъ, что не ТОТЪ подчиненными; тутъ нравъ, тамъ другой; чувства, мысли, правила, совсъмъ иныя; словомъ, это два лица въ одномъ недълимомъ. Намъ указываютъ на Европу, на Нѣмцевъ, на Французовъ, на Италіянцевъ, на Англичанъ первообразы умственнаго и нравственнаго просвъщенія. Если это такъ, то по крайней мъръ должно признаться, что эти господа такъ успъшно перенимаютъ у насъ то, въ чемъ, не обинуясь, сами насъ обвиняютъ, что вскоръ далеко превосходять учителей Они высокопарно своихъ! охотно И разсуждають о равенствъ человъчества, о снисхожденіи къ недостаткамъ ближняго, и обходительности житейской, между тъмъ какъ сами неръдко обходятся уже вовсе не отечески съ нижними чинами, и бываютъ дерзкими и тягостными для офицеровъ. Наши Русскіе, правда, бываютъ иногда

того, что иной, кромъ неотесанные ДО Воинскаго Устава и Русскаго Инвалида, рѣшительно печатнаго листа въ рукѣ держаль; есть и такіе, что огонь и воду прошли, и ради драть съ полка, какъ Жидъ съ аренды; но за то удаются и добряки средней руки, честные, прямые, не всегда ученые, но умные, постигшіе И обходительности настоящій духъ Русскаго народа. Есть,» Костроминъ, «есть образованные, умные, уважаемые благородные, начальники. Напримъръ, полковой Командиръ алыхъ гусаръ: кто этакимъ человѣкомъ СЪ полѣзетъ адъ!» Напримѣръ,» ВЪ Карачунъ: «чтобы продолжалъ возвратиться къ пѣхотѣ, Командиръ того Егерскаго полка, который въ послѣдній Турецкій походъ заслужилъ ВЪ **ОДНОМЪ** дълъ всъмъ офицерамъ по двъ награды! полка, въ которомъ отдаленный выстрълъ рядовомъ каждомъ отзывается ВЪ сверхкомплектнымъ ударомъ пульса! Вотъ кому командовать дивизіями!»

«А 37-го Егерскаго бывшій Командиръ,» заступился съ горячностію Герстенмейеръ: «Какъ? развѣ...» «Ну, такихъ Нѣмцевъ давай Богъ побольше,» возразили Карачунъ и Костроминъ въ голосъ: «это дѣло иное!»

«Бросимъ это,» возразилъ Охинъ: «и поговоримъ лучше о дѣльномъ. Скажи намъ что нибудь о Полькахъ. Правда ли, что онѣ всѣ красавицы, всѣ милы и всѣ дурачатъ мужей?»

«Мнѣ кажется,» отвѣчалъ Костроминъ: «что въ образованіи, какъ тълесномъ, такъ и нравственномъ, обоихъ половъ народа Польскаго, Русскаго И какая-то есть противоположность, которой на основывается и житейскій быть каждаго. Должно признаться, говоря о среднемъ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіи, что у благообразны, мужчины статны и женщины менъе видны, плотны; Природа, образовала кажется, первыхъ умственныя способности ихъ также болъе развиты; уже по этому самому мужья у насъ въ домашнемъ быту берутъ верхъ; они самоуправны; добрая жена почитаетъ себя

подданною мужа; если кается передъ нимъ въ проступкахъ своихъ, то говоритъ, при поклонъ: побей меня, низкомъ поучи Польки, напротивъ, прости! даже сословій, среднихъ большею стройны, умны, хитры, словомъ: онъ, какъ свойствами тълесными, такъ и еще болъе качествами умственными и нравственными, рѣшительно первенствують надъ мужьями; онъ гораздо проницательнъе ихъ, а потому знають это, и умьють этимь пользоваться. Воть почему у нихъ мужъ второе лице семейства, и болъе самъ повинуется, чъмъ повелѣваетъ!»

«Вздоръ все!» закричалъ Капитанъ, вслушавшійся въ послѣднія слова Костромина: «не вѣрь, Охинъ; волочись смѣло и прибирай ихъ къ рукамъ, да только самъ не поддавайся, такъ и помыкать тобою не будутъ!»

«Я говорю одно,» возразилъ Костроминъ, — «а вы другое. Вы говорите: волочись; для чего же вы не скажете: женись?»

«Нѣтъ, братъ, это уже пустое,» отвѣчалъ Капитанъ: «наше дѣло волочиться, а жениться — это предоставимъ пѣхотнымъ, которые, какъ слышно, станутъ здѣсь на зимнія квартиры!»

«Опять нападки на пѣхоту! Смѣйтесь, Капитанъ, но между тѣмъ, вы, я это знаю, пѣхоту нашу уважаете!»

«Всему своя череда, свое мѣсто:» отвѣчалъ тотъ: «славно штыкомъ работаютъ; но въ свѣтскомъ обращеніи съ женщинами они вовсе шутокъ не знаютъ; вляпается такъ весь, что его и коновязнымъ коломъ не отобъешь!»

«Въ самомъ дѣлѣ, странно,» ЭТО сказалъ Карачунъ – что у насъ конница такъ храбрится передъ пъхотою, тогда, какъ послъдняя не уступитъ первой. Кто бывалъ въ дѣлахъ съ только нашими войсками, согласится, что оплотъ конница, пъхота. Любо нашихъ не a видѣть, И СЪ какою слушать самонадъянностію, спокойствіемъ самоотверженіемъ гренадеръ беретъ ружье на перевъсъ! Обаятельное ура! никогда не

густой колоннъ, измѣняло идущей Словомъ, истинно проломъ. воинскій безпрекословное духъ, повиновеніе и шутливое острое слово, при горькой улыбкъ отъ нуждъ и лишеній, это мы видимъ въ пъхотъ, въ этой грозной, неутомимой, неумолимой, мертвой стънъ! И это основано на духѣ народа Русскаго. Почти вся остальная Европа даетъ конницу лучше пъхоты; у насъ недостаетъ огня и пылкости для атаки кавалерійской, гдѣ все должно летъть сломя голову, гдъ требуется изступительнаго минутнаго, только восторга. У нихъ нътъ этого желъзнаго неутомимости, постоянства, слѣпаго повиновенія и силъ тълесныхъ – качествъ необходимыхъ для пѣхоты!»

«Далеко ли до Чаповца?» спросилъ Охинъ, растаявшій жару ОТЪ какъ леденецъ, ъхавшаго встръчу имъ, на паръ сърыхъ огромныхъ воловъ, мужика. Хохолъ снялъ высокую черную баранью шапку, кивнулъ головою, замахалъ батогомъ ДЛИННЫМЪ своимъ, закричалъ: собъ, собъ, собъ малый! чтобы дать всадникамъ дорогу, и потомъ отвѣчалъ: «До Чаповця? Якъ мини то далеко; а якъ панамъ, то близко!» — «Какъ такъ?» спросилъ Охинъ. — «Бо у пановъ кони добры!» — «А горы есть?» — «Е,» — «Много?» — «Одна.» — «Велика?» — «Якъ звиттыля, то не дуже, такъ а якъ туды, то гай, гай, гай....» то есть: оттуда ѣхать, не такъ велика, а туда, такъ ой, ой, ой...

III.

川伊川路為川市。

Когда избавить насъ Творецъ Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ и шпилекъ и булавокъ И модныхъ и бисквитныхъ лавокъ! Грибоъдовъ.

Драгуны наши отъ души разсмѣялись. Капитанъ потрунилъ надъ Карачуномъ и земляками его, а какъ они доѣхали до

передъ которою сидѣлъ корчмы, на порожней бочкъ, панъ арендаржъ, шинкарь, Мойшель, безъ чулкахъ ВЪ башмакахъ безъ задниковъ и въ сальныхъ короткихъ панталонахъ нанковыхъ то Капитанъ скомандовалъ: пуговицъ, И стой! слъзай! Охинъ хотълъ прислужиться, и потому, не теряя времени, велълъ Жиду подать кварту наливки, вишневки. «Дѣло!» закричалъ Капитанъ: «но между прочимъ водки! Эта наливка пополамъ съ водою; а ты знаешь, что я боюсь воды, какъ бъщеная собака!»

Нескладный крикъ десятка голосовъ, въ числѣ коихъ можно было отличить мужской, призывающій кликомъ: ратуйте, кто у Бога вируе! ратуйте! на помощь, и нѣсколько бабьихъ, жидовскихъ и дѣтскихъ, возбудили вниманіе молодёжи нашей, и они всѣ бросились за корчму.

Большой воловій возъ, нагруженный арбузами и дынями, стоялъ, запряженный, у заднихъ воротъ корчмы, имѣвшей, какъ обыкновенно, вмѣсто двора, обширный сарай подъ одною кровлею съ тѣснымъ и

грязнымъ жильемъ. Одна Жидовка держала на рукахъ мальчишку, который кричалъ и всей силы; безчисленное И30 Жиденковъ всякой величины, множество предводительствомъ другихъ трехъ Жидовокъ, растаскивали арбузы и дыни съ хату, между тѣмъ, ВЪ неповоротливый хохоль въ кожухѣ и свиткъ среди жаркаго лъта, метался, какъ угорълый, во всъ стороны, и всъ они, и малый и великій, бормотали, кричали и Мужикъ голосъ. визжали ВЪ ринулся подоспъвшимъ на помощь въ ноги, и не переставаль кричать, какъ будто его кто «ратуйте, кто у Бога вируе, ратуйте!» Трудно было понять и разобрать, что тутъ происходило. Но Капитанъ началъ тъмъ, что разогналъ нагайкой Жидовокъ и Жиденковъ, и заставилъ пришедшаго въ себя хохла разсказать Карачуну все дѣло, а пересказалъ слѣдующее: ЭТОТЪ мужикъ везъ съ баштана своего арбузы и дыни въ мъстечко на базаръ; корчмарь остановилъ его на перепутьъ, продержалъ, уговаривая продать ему возъ, часа два, наконецъ,

грѣхомъ, СЪ пополамъ уговорилъ, наливкой и сдалъ на руки поподчивалъ Жидовкамъ. Здѣсь начался торгъ: мужикъ рубля, Жидовки два просилъ за возъ сулили копу, наконецъ 40 грошей, и съ неимовърнымъ крикомъ шумомъ И приступали къ нему, до того, что бъдняка почти оглушили; а когда онъ вырвался, закричаль: цурь вамь, пекь вамь, и хотьль отъ нихъ убраться, то одна схватила съ ребенка a цѣлая стая Израилева бросилась со всъхъ сторонъ расхищать возъ. Ошалъвшій, одуръвшій хохолъ кидался во всѣ стороны; Жидовка съ ребенкомъ бъгала отъ него вокругъ воза; онъ за нею гонялся; другая хватала его за капишонъ свитки и совала въ глаза сорокъ грошей мѣдью; Жиденки подкатывались ему подъ-ноги, кричали: ой, вей! онъ черезъ нихъ падалъ... «И такъ разбой на большой дорогѣ, полномъ смыслъ ВЪ Капитанъ. Розогъ! сказалъ слова,≫ Штабсъзакричалъ горячій Нѣмецъ, Капитанъ Герстенмейеръ: «выпоремъ всю корчму, и Жидовокъ и Жиденятъ и все

Израилево!» — «Розогь!» племя подхватилъ Капитанъ, «а между прочимъ водки!» — «Постой, Карлъ Карловичъ, не Костроминъ: горячись,» сказалъ забудь, **ѣ**демъ что МЫ къ пану Жабруцкому, корчмарь a ЭТОТЪ его арендаржъ; и такъ не ловко будетъ начать новое знакомство такимъ образомъ. Лучше мы ему дѣло поразскажемъ И требовать, чтобы онъ Жида наказаль.» И такъ Панъ арендаржъ отдълался на этотъ разъ доброю заушиной, которою снабдилъ его на прощанье Карлъ Карловичъ, кавалерія наша, выпроводивъ хохла большую дорогу, тронулась на Чаповецъ.

Потолковавъ объ этомъ происшествіи и объ угнетеніи юго-западныхъ Губерній Жидами, нашихъ Капитанъ придрался къ хохлу, какъ онъ называлъ Карачуна, и утверждаль, что безмозглые сами этому причиной. Не земляки его кричалъ поддавайся, онъ, какъ будто командовалъ передъ эскадрономъ, помыкать тобою поддавайся, такъ и не будуть! – «Золотое правило,» замѣтилъ

Карачунъ: «но опытъ намъ показываетъ, всъ И всегда могутъ не Сообразите любезный Bce, Капитанъ, всъ обстоятельства, средства и пронырливыя ухватки, коими пресмыкающееся племя искони научилось пользоваться для притъсненія и угнетенія бъднаго крестьянина, ухватки, переходящія какъ достояніе наслѣдственное изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, и вы не захотите быть столь несправедливы, чтобы сложить всю вину этого бъдствія на мужиковъ; несравненно болѣе потворство жадныхъ къ деньгамъ помѣщиковъ этому причиною; здъсь дворянство Польское, а мужики всѣ Малороссы. Еврей всю жизнь свою посвятиль изученію и усовершенію временемъ, искусства пользоваться обстоятельствами и нуждами ближняго; у мужика есть занятія другія, и потому онъ, познаніи свѣта людей И долженъ нѣсколько отстать отъ перваго; къ тому еще вся промышленость, курсъ, деньги, цѣны и рукахъ у Жидовъ, которые товары ВЪ дъйствуютъ и въ оборотахъ своихъ точно

разговаривають, всѣ какъ ОНИ вдругъ. Вспомните, сколько мы сами бываемъ въ зависимости у Жидовъ, когда стоимъ въ городкахъ и мъстечкахъ, не смотря на то, И воображаемъ бьемъ ихъ Русскій мужикъ помыкать. смътливъе, расторопнъе хохла, это правда; но и у этого нътъ недостатка въ умъ природномъ. Въ немъ южная кровь, онъ любитъ il dolce far niente, но его грѣшно называть тупымъ и глупымъ, какъ это нерѣдко дѣлаютъ не знающіе; напротивъ, довольно его острыя шутки его, я это смѣло утверждаю, облагорожены какимъ-то особеннымъ духомъ простодушія, замысловатости, и, въ время, чуждымъ TO самохвальства и притязанія. Полякъ, или хвастаеть, хвалится, пустословить, или онъ льстить, или по крайней мъръ коварно душѣ своей, И никогда таится ВЪ чувствъ истинныхъ выкажетъ своихъ, намъреній; Малороссъ, мыслей И напротивъ, охотнъе всего прикидывается простачкомъ, олухомъ, между a всякаго, кто дурачитъ самъ дается ВЪ

Русскій обманъ. сообразно мужикъ, прямому, открытому нраву своему, шутитъ намъками, замъчаніями; но у него нътъ вкрадываться простодушіемъ замашки довъріе ваше, a своимъ ВЪ замысловатыми истинами озадачивать будто вопроса, невзначай какъ предложенными; это, воля ваша, a тупымъ умомъ несовмѣстно.» — «Посмотри же,» сказалъ Герстенмейеръ, указывая на пашущаго мужика: «полюбуйся на умнаго земляка твоего, который дълаетъ четырьмя парами воловъ то, что другіе люди дѣлаютъ одною клячею! У насъ въ Лифляндіи».... «Не горячись!» прерваль его Карачунь: «и въ Россіи то же, но это у насъ Лифляндія и не Россія; послушай. Нъкто богатый помѣщикъ Малороссіи, ВЪ одушевленный твоею мыслію, вздумалъ быть преобразователемъ страны своей; онъ между прочимъ Англіи выписалъ изъ патентованную соху, или плугъ орѣховаго дерева, съ мѣдною полированною оковкою, (сошникѣ) лемешѣ котораго было насъчено: patent эilver-эteel, и выгналъ въ

одно Воскресенье все село въ поле, чтобы при плугомъ взорать новымъ пробную десятину. Хохлы, въ ожиданіи пана своего, собрались въ кучу около плуга, толковали и разсуждали. новаго прівзжаеть; всъ почтительно Панъ снимають шапки, разступаются, подводять къ плугу лошадей. «Пане!» спросилъ тогда чубатый стариннаго закалу «спытаюсь я у пана, кто тыи плуги робить? плугъ?» сдѣлалъ ЭТОТЪ кто «Англичане,» отвъчалъ панъ. «А что, не хорошъ?» – «Нема ЩО казаты,» продолжалъ тотъ: «а чомъ же воны, тыи Галичане, до насъ въ Одестъ за хлѣбомъ ѣздять? Чуете, пане, теперечки воны до насъ вздять, а якъ мы тыми плугами будемо ораты, то уже мы ДО нихъ хлѣбомъ И поѣдемо!» онъ правъ, продолжалъ Карачунъ, когда всъ товарищи захохотали: голая почва наша, которую солнце пропекаетъ на футъ, на полтора, хочеть быть взрытою на такую же глубину, тогда только даетъ плодъ, и плодъ обильный; пробная десятина не дала

посѣва, и плугъ орѣховаго дерева не окупился!

«Разскажу вамъ еще подобную шутку. Помъщикъ, сосъдъ мой, издерживался и разорялся на охоту, на собакъ. Однажды затравилъ зайца онъ полѣ ВЪ нъсколькихъ шагахъ отъ пахаря. Радостныя псарей восклицанія И стремянныхъ побъду, возглашали трубили, рога восхищенный охотникъ въ поту, въ пыли, гордо озирался. «Пане!» спросилъ почтительно мужикъ, лаская собакъ любуясь на зайца, на лошадей: «що коштуе тый заяцъ? сколько стоитъ заяцъ?» Панъ неумъстному разсмъялся вопросу отвъчаль: рубль. «А хорть? т. е. а собака?» Сто рублей. «А кинь панскій, а барская лошаль?» продолжалъ неотвязчивый допросчикъ. Пять сотъ рублей. – «А панъ самъ,» опять началь хохоль: «то уже звъстно, що неоцъненный; и такъ: рубель утикае, сто догоняе, $\mathbf{a}$ якъ споткнется, то нашъ неоцѣненный убьется!» Драгуны захохотали въ голосъ. «Всѣ мы постигаемъ недостойное этой разорительной

страсти,» сказалъ Карачунъ: «но прошу васъ показать на словахъ убъдительнъе и проще ничтожность ея и малодушіе ей подпавшаго!

IV.

ДНЕВКА.

Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой;

А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ, Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Грибопдовъ.

Отрядъ нашъ поднялся гору, на глубокомъ которою, ВЪ яру, лежалъ Чаповецъ. На Подолѣ есть мѣстоположенія, проъзжаго изумляющія дикостію разнообразіемъ своимъ, особенно, если онъ южныхъ степныхъ губерній. **ъдетъ** изъ Рыхлый черноземъ обильно питаетъ сокомъ

своимъ поля пшеницы, кукурузы, дынь и арбузовъ; на песчаныхъ отлогостяхъ зеленьются шпалерами виноградныя лозы, плодовые сады прилегають къ изгибамъ ручья, дикій камень грядами пролегаеть по гребнямъ высшихъ горъ И пригорковъ, гребельки водяными мельницами СЪ бълыя мазаныя хаты животворятъ природу. мъстоположение Чаповца. Таково было дворъ, старинной постройки, Панскій семибашенный замокъ, какъ лежалъ, раскинутый противолежащемъ на скатъ, лицемъ къ путникамъ нашимъ; по объ стороны главнаго средняго зданія, **ДВОИ** обвалившіяся огромныя ворота свидътельствовали о бренности подлунной, притворенныя шестами подпертыя И ставни самаго дома и новая крыша изъ драни или тесу на одной изъ пристроекъ, о финансахъ хозяина, который, худыхъ великолѣпное, обветшалое покинувъ НО обиталище прадъдовъ, сосредоточилъ силы свои, домъ и дворъ и весь штатъ, въ одномъ боковыхъ флигелей. Охинъ замътилъ между строевымъ разбросаннымъ

лѣсомъ пестренькихъ стройныхъ двухъ Подоляночекъ, прыгавшихъ доскъ на поперегъ бревна перекинутой. Онъ, когда всадники приблизились, убъжали во дворъ. Долго большая рябая собака, занявшая ихъ мъсто на бревнъ, стояла и лаяла на вътеръ, покуда наконецъ вышли растворить ворота, панъ Маршалокъ явился на крыльцъ просить гостей. Въ передней встрътилъ ихъ самъ панъ Жабруцкій, въ съромъ контушъ тесьмою, снурками однако И новъйшаго покроя съ сплошными рукавами и на пуговицахъ, вмъсто кушака. Капитанъ, старый пріятель собутыльникъ И представиль въ двухъ словахъ офицеровъ своихъ, и панъ Жабруцкій обнималъ перецъловалъ всъхъ ихъ въ уста и плечи. Онъ, казалось, радовался гостямъ непритворно, ввелъ покои, ихъ ВЪ представилъ женѣ и дочерямъ. Подали кофе, трубки, потомъ и закуску, водки, Дамы дозволяли наливки И вина. кавалерамъ подходить къ рукъ, но, подавая ее, сами ихъ не цъловали въ щеку, какъ у насъ. Трубки не безпокоили женщинъ ни

сколько, а пани Жабруцка сама курила въ запуски. Разговоръ вскоръ сдѣлался общимъ, шумнымъ и веселымъ; офицеры наши всѣ говорили по-Русски, хозяева отвъчали по-Польски, НО тѣ другіе И другъ друга понимали. хорошо Старикъ нерѣдко вскакивалъ среди разговора, обнималъ въ веселомъ расположеніи гостей увѣряя, что онъ: далибугъ, Россіянинъ! правдзивый Карачунъ что нѣсколько замѣтилъ, дворовыхъ казаковъ полетъло мимо оконъ въ разгонъ, въ разныя стороны, въроятно сзывать ближнихъ сосъдей или для пополненія хозяйства чъмъ-либо на скорую руку изъ ближняго мъстечка. Три дъвицы, не смотря на то, что не ожидали гостей, хорошо и опрятно одътыя, выступали павами, не смигали глазами, если кавалеры наши на нихъ обращали взоры, не шушукали, хихикали И не прятались, какъ наши казалось, напротивъ барышни, a τοιο, открытыми смълыми взорами и улыбкою бесъды, вызывали заискивали И разговорамъ И КЪ **HOBOMY** знакомству.

Капитанъ первый подошелъ КЪ нимъ, еще разъ ручку каждой, и поцѣловалъ началъ изъ учтивости ломать и искажать Польскій языкъ. Объ немъ ходила молва, будто онъ не зналъ ни одного языка, кромъ своего природнаго, Русскаго; но это было не совсъмъ справедливо. Филологическія свъдънія его ограничивались только тъмъ, что ему удавалось пріобрътать на походахъ и стоянкахъ самоучкою и наслышкою. Онъ въ 14 и 15 годахъ зналъ по-Нъмецки и по-Французски, теперь еще И припѣвалъ Французскую пъсню: вивъ Андрей кватеръ, вивъ сюрви дерви; т. е. vive Henri quatre, vive се Roi dea Roia! По-Турецки умълъ спросить: качъ алтынъ? пара? Веръ бана каве, чубукъ, качъ экмъкъ. По-Молдавски зналъ: Пулхерица, Зоица, Смарандица, Аглаица и множество другихъ женскихъ именъ, и пълъ пъсню: Унде каса мититика, унде фата формотика; кромѣ того онъ говорилъ по-Латышски, по-Чувашски и даже нарѣчіемъ Жмуди; но болъе всего усовершенствовалъ онъ себя въ Болгарскомъ и въ Польскомъ, и увърялъ,

что стоитъ только постичь духъ языковъ сихъ и ломать Русскій, въ первомъ случаѣ придерживаясь Славянскаго, И напримъръ: вмъсто корова, крава; вмъсто прибавляя млеко, И разсмотрънію иногда окончанія: ушка енко; а во второмъ, перенося всѣ ударенія на предпослѣдній слогъ и расточая смѣлѣе сложныя согласныя: бржи, хржи, крже и прше; дѣлая это, увѣрялъ онъ, твердо быль увърень, что говориль по-Болгарски и по-Польски. Польки, охотно съ нимъ связывались, спорили, кричали, такимъ образомъ его, онъ учили И обогащалъ филологическія непрестанно познанія свои. Панны: Зося, Людвися и Юзя, т. е. Софія, Людовика и Іозефа, разговоръ; также вмѣшались въ общій каждая овладъла непримътно однимъ изъ гостей и взяла его подъ особенное свое покровительство. И нѣжный Охинъ, узнавъ первой, т. е. ВЪ Зосѣ, одну ВЪ изъ волтижерокъ, тронувшихъ уже на разстояніи 200 саженъ доступное изящному сердце его, быль вскор до того погруженъ

въ думы, мечты и сладкія грезы, что, сидя нею рядомъ и касаясь ножки воображаль участвовать и поддерживать краснор вчивую, занимательную, остроумную бесъду, между тѣмъ, молчалъ и даже не слышалъ, кто и о чемъ говорилъ. Не думайте однако жъ, чтобы никто изъ домашнихъ этого всего замѣчалъ; напротивъ, видѣли и знали все, никому не приходило въ показывать это, ввязываться и мфшаться не въ свое дъло. Не думайте также, чтобы Полька, и особенно дъвица, вызывая васъ на вольное съ нею обращеніе, дала вамъ симъ самымъ какое либо надъ собою право — весьма ошибаетесь! ни сколько: она нерѣдко дѣлаетъ это своевольно своенравно, никогда притомъ не забывается, и устаиваетъ твердо противу всякаго искушенія.

Время до стола пролетѣло скоро; явились еще нѣсколько изъ сосѣдей, и, послѣ прогулки, обѣда и вторичной прогулки, на которой Охинъ блаженствовалъ, бѣсился, плакалъ и

смѣялся по очереди, смотря по тому, его ли, или одного ИЗЪ земляковъ своихъ, рябаго венгеркъ, черной усача ВЪ предпочитала пастушка его, возвратились наконецъ въ покои, и четыре Жида со скрыпками и цимбалами ударили въ самую ту минуту мазуречку, когда кавалерія наша поглядывала было по угламъ на сабли свои. обносили безпрестанно. Пуншъ вино обычай варварскій Несносный, приневоливать всякими средствами гостей къ попойкъ, одного только Капитана нашего безпокоилъ сколько; НИ покручиваль усы въ запуски съ Сарматами, и разговаривалъ съ ними по-Болгарски.

У насъ мазурка, и голоса, и самая пляска, искажены; народность въ томъ и утрачена. Надобно другомъ видѣть слышать мазурку въ Польшѣ, тамъ, гдѣ старые усачи въ контушахъ за вистомъ моргають усами и стучать каблуками въ мъру; гдъ шляхтичъ и водовозъ, Княжна и напъваютъ мазурку! прачка, пляшутъ и Только краковякъ, унылый и однозвучный, разнообразіи напѣвовъ всемъ при И необузданной веселости пляшущихъ, замъняетъ иногда въ народъ мазурку.

Около полуночи попутчики наши, ибо мы не откажемся, думаю, слѣдовать ними и на семъ возвратномъ пути, при прощаніяхъ, восклицаніяхъ громкихъ лобызаніяхъ, благополучно отретировались на крыльце, гдъ драгуны съ лошадьми ихъ Тршимайся, Капитане, пане Жабруцкій, кричалъ тршимайся! панъ вслѣдъ гостямъ своимъ, и, подымая свѣчу выше головы, едва не зажегъ соломенную крышу навъса. Охинъ еще разъ бросилъ болъзненный взоръ на панну Зосю, на рябачаго усача въ черной венгеркъ, вскоръ отдавался только ушахъ ВЪ всадниковъ собственныхъ ТОПОТЪ коней ихъ, отдаленный крикъ пътуховъ и лай собакъ. Подъ гору, на гору и опять подъ былъ лишенъ гору, Охинъ И послъдней отрады и утъшенія встръчать, оборачиваясь назадъ, взорами привътливые просвъты оконъ той храмины, въ которой онъ оставилъ сердце свое на сохраненіе и сбереженіе.

V.

TPEBOLA.

Свътаетъ! Ахъ, какъ скоро ночь минула! Грибовдовъ.

Молча, герои наши продолжали свой, шагомъ и рысью, только трубки ихъ иногда искрълись въ потьмахъ, и Капитанъ по временамъ покрикивалъ: фальшъ! когда усталый конь его начиналь дробить ногами. Охина не было дома; онъ заносился ликующій жаворонокъ. взвивался, какъ Герстенмейеръ былъ недоволенъ брудеромъ своимъ, Карачуномъ, который отбивалъ у него панну Іозефу, и бъсился на рябаго который осмълился Поляка, плясать мазурку за мазуркой, въ венгеркъ, хотя офицеры всъ были въ мундирахъ! Костроминъ увърялъ его, что всему этому причиной то, что онъ сегодня не надълъ лядунки! Наконецъ Карачунъ затянулъ въ

полголоса: Не одна-то во полѣ дороженька пролегала; подголоски юнкера, и прочіе приставали, одинъ одному, ПО Охинъ, поотставъ немного отъ товарищей лелѣялъ колыхалъ нѣжныя И созвучіи стройныхъ чувства на СВОИ родныхъ напѣвовъ. согласныхъ другой, третій умчались непримфтно. Заря занялась, а наконецъ и солнце озлатило утро, которому подобнаго Охинъ не видалъ съ тъхъ поръ, какъ встръчаетъ солнце на конъ. Чаповецъ, Огирки и опять Чаповецъ, безпрестанно пестрълись въ воображеніи его; и когда наконецъ Огирки, оживленныя многолюднымъ стеченіемъ, предстали взору хотѣлось ему воротиться его, Чаповецъ.

Въ Огиркахъ каждыя двѣ недѣли, въ Воскресенье, быль ярмарокъ, и герои наши пробирались шумными между кучами народа. Здъсь Жиды и Жидовки продавали съ возу деготь, сало, свъчи, табакъ, мыло и водку; все это было ими снято отъ пана на откупъ, вольная продажа И заказана. Мужики торговали только овсомъ,

хльбомъ, съномъ, арбузами И дынями, лукомъ, кукурузой a Жиды И ихъ обманывали, обвъшивали, и обмъривали. тѣмъ, кончалось что продавалъ на гривну, а пропивалъ полтину. И бублики, по сану Горшки занимали почетныя мъста площади. Дъвки бабы, разубранныя, толпились толкались, кричали шумѣли нихъ, И большею частію безъ дъла. Ярмарокъ для нихъ праздникъ, прогулка. Слѣпой старикъ игралъ на рылѣ (на лирѣ) и воспѣвалъ походы Гетмана Богдана Хмѣльницкаго; овцы, сбившись въ кучу лбами, протяжно вторили ему, поросята съ прихрюкивали, драгуны выхваляли дешевизну прочность И выношенныхъ, заслуженныхъ шинелей, сапоговъ И мундировъ; денщики терлись между возами, проклинали смолу И деготь колесахъ, закупали четырнадцать И на хозяйственный грошей двухнедѣльный запасъ для господъ своихъ, до будущаго общей Доъхавъ ярмарка. до квартиры своей, всь, молча, слъзли съ коней. Охинъ

первый спросиль чаю, а Капитань уже съ нетерпъніемъ ожидалъ чтобы этого, между водки! возгласить: прочимъ Герстенмейеръ, котораго y рана, полученная имъ подъ Боялештами, всегда когда разбаливалась, сердился, онъ отправилъ гонца въ полковой Штабъ, къ Доктору, за камфорнымъ спиртомъ. Всъ улеглись въ повалку, ставни затворились и деньщики, проспавшіе благополучно ночь, спокойно покуривали, сидя на крыльцѣ, корешки, дешевые отгоняли **ШУМНЫЯ** базарныя толпы отъ оконъ почивающихъ господъ своихъ, И ТОНКИМИ голосами бабъ дразнили босыхъ дѣвокъ И черевикахъ, или червонныхъ чоботахъ съ подковками.

Хотите ли заглянуть между тѣмъ въ полковой Штабъ? Тамъ, отъ Огирокъ верстахъ въ 20, не смотря на воскресный день, давнымъ давно уже кипѣло ученье, конное и пѣшее, одиночная выправка, сабельные и ружейные пріемы и манежная ѣзда, и Полковникъ, повѣстивъ уже съ вечера, за худые успѣхи въ будни, ученье

на завтрашній праздникъ, далъ Агамемнону и Минервъ, которые не пошли траверсомъ, по 50 плетей, и заперся одинъ въ кабинетъ Неисправности въ швальнъ, музыкантской канцеляріи И ВЪ терпѣнія превзошли мфру его; объявилъ Адъютанту, что сей смѣняется, а поступаетъ на его мъсто, приказалъ самому Адъютанту написать объ приказъ по полку. Но довольно; оставимъ это, а заглянемъ теперь Чаповецъ. Тамъ, вслѣдъ за нашими кавалерами, отправились и гости; домъ опустълъ, все стихло, свътъ – окномъ – исчезалъ; все погрузилось во тму ночную; топоть и хохоть отзывался только мърили, покоъ панянокъ, которыя взвѣшивали И цѣнили достоинства, преимущества И недостатки новыхъ поклонниковъ своихъ, а наконецъ смолкло, и только тихій шелесть шаговъ въ саду увъряль насъ, что еще не все въ домъ заснуло, перескочившее И **ЧТО** плетень съ улицы въ садъ, животное, былъ человъкъ, а не собака, какъ то увърялъ

ночной сторожъ, стоявшій за садомъ, случайно проходившаго въ такое позднее время нашего знакомца, Еврея Мойшеля, арендаря пана Жабруцкаго. И такъ намъ остается только возвратиться въ Огирки, гдѣ мы покинули кавалерію нашу въ глубокомъ снѣ.

Капитанъ обошелъ уже въ архалухъ и въ фескъ, съ трубкою, конюшни свои, надъ каждою изъ коихъ возносился вънецъ съ пучками соломы, былъ чисткъ, на проводкѣ, и направилъ стопы свои ВЪ общую казарму, квартиру офицеровъ, чтобы стащить съ нихъ одежду, и, придравшись къ любому изъ нихъ, при Лафлёровъ, потребовать, воззваніи на между прочимъ, водки. Но здъсь онъ нашель все и всъхъ въ тревогъ. Разсыльной изъ полковаго Штаба стоялъ у воротъ, а Охинъ, съ бумагою въ рукахъ, встрътилъ Капитана на крыльцъ, внъ себя, въ тоскъ, въ горести, и если бы не стыдно было, то сказаль бы, въ слезахъ. Капитанъ взялъ бумагу и прочиталъ: «Господину Поручику и Кавалеру Охину. Съ полученія сего,

предписывается Вашему Благородію, безъ мальйшаго замедленія, подъ строжайшею отвътственностію, явиться въ полковой Штабъ, вступить въ должность полковаго Адъютанта и завъдывать оною впредь до повельнія.» — «Дълать нечего,» сказалъ Капитанъ: «слезою моря не наполнишь, а кручиною поля не изъъздишь; съдлай, да ступай; а на прощанье — выпьемъ!»

Охинъ не могъ прійти въ себя: ясно было, что предстоящая ему невозможность продолжать знакомство свое Жабруцкими, сокрушала менъе его не предчувствія безконечномъ 0 неизбъжномъ горъ въ новой должности своей, для которой онъ, впрочемъ, вовсе не былъ созданъ. Ему безпечному, ли, изнъженному, a додатку еще И влюбленному, исправлять должность Адъютанта, вести письменныя дѣла драться съ пьяными писарями, смотръть за музыкантскою школою, за швальнями, за мастеровыми, словомъ, взять на руки всю безпардонную, нестроевую, западную силу! Но, что главное... тогда прости, Зося, померкни звъзда счастія моего, заря обътованнаго, въ грезахъ, блаженства, залогъ правды небесной, все прости!

VI.

ОТБОЙ.

Вотъ то-то, невзначай, за вами примъчай, Такъ върно съ умысломъ.... Грибовдовъ.

Наконецъ Охинъ, какъ будто мгновенно новая мысль просвътила бъдствовавшую душу его, Охинъ, слабый и нервшительный, вскочиль, удариль кулакомь по столу и, съ твердостью, какой товарищи доселъ немъ видъть не привыкли, объявилъ, что не Штабъ, повдеть и не вступитъ ВЪ Адъютанта! боленъ,» $\mathbb{R}$ » должность продолжалъ онъ: «и не могу нести этой должности. Богъ свидътель, что я не лгу; я боленъ! Клянусь не выходить изъ дому въ продолженіе цѣлой недѣли, двухъ, трехъ! — Подай халатъ, Ванька!» — «Эй, халатъ!» подхватилъ Капитанъ: «а между прочимъ, водки; надобно выпить здоровье болѣющаго! Эй, братъ, Охинъ, берегись, я что-то подмѣчаю за тобою...»

«Онъ, кажется,» возразилъ Карачунъ: «чуть ли не намъренъ избавить пъхотныхъ отъ обязанности, которую вы, Капитанъ, на возложить!» хотъли затягивайся.» Костроминъ, закричалъ отнявъ у Охина трубку: «ты подавишься или задохнешься! Но Охинъ, не внимая ни шуткамъ, ни насмѣшкамъ пребывая И твердымъ въ намъреніи своемъ, написалъ рапортъ, что, по приключившейся съ нимъ вчерашняго числа бользни, службы, возлагаемой, него нести не можетъ. Разсыльной сълъ на выранжированнаго, подъемнаго, разбитаго коня, и поплелся въ Штабъ.

«Бей отбой, когда такъ,» сказалъ Костроминъ: «фальшивая тревога!» — «Не совсъмъ,» замътилъ Карачунъ: «Я

напротивъ, думаю, что смѣло можно ударить во всѣ палки; тревога теперь только что начнется! *Чувствительное сердце* взбѣсится, пришлетъ освидѣтельствовать нашего больнаго, полетитъ предписаніе за предписаніемъ, а бѣдная Минерва и Агамемнонъ и ѣздоки ихъ, лишній разъ за это должны будутъ оттерпѣться!»

«Бросимъ это,» закричалъ Капитанъ, вчерашнія слова Охина, намѣкая на подошель къ нему: «поговоримъ лучше о дѣльномъ.» водкѣ?≫ **«O** спросилъ Охинъ. Всъ захохотали въ голосъ, пробили браво! удивлялись ладоши: И замысловатому И рѣшительному Охина. «Съ тобой я не стану говорить о водкѣ,» продолжалъ Капитанъ: «ты въ ней знаешь столько же толку, какъ Татарскій Мулла; съ тобою я поговорю о Полькахъ, о которыхъ разспрашивалъ ТЫ вчера Костромина, нынѣ a самъ СЪ ними познакомился; поразскажи намъ что нибудь; каково, напримъръ, Зося панна отхватывала съ паномъ Пршепловецкимъ мазурку?»

«Я этого рябаго, усатаго жука застрѣлю когда нибудь,» сказалъ Герстенмейеръ: «если онъ еще осмѣлится плясать при мнѣ въ венгеркѣ.»

«А ломался,» примолвилъ Капитанъ: «какъ звонарь на колокольнѣ, нечего сказать!»

«Пъсни и пляска народныя, даже и не первобытномъ своемъ состояніи,» началъ Костроминъ: «а болѣе или менѣе искусствомъ и просвъщеніемъ искаженныя, себѣ отпечатокъ носятъ кореннаго, на и быта народнаго нрава основнаго высокой степени. О пъсняхъ это уже давно замъчено: страстный Испанецъ, глубокою сладострастною нѣгою, никогда не выдохнеть чувствь своихъ напъвомъ Французскаго, нѣжнаго, игриваго романса, или водевилемъ; а народное Русское ухо не найдетъ томъ, ни въ другомъ ВЪ НИ выраженій той сердечной, сладкой грусти, которую изливаетъ заунывная: его притуманились очи ясныя! Но то же самое можно сказать и о пляскъ. Французская кадриль, верхъ искусства плясокъ

общественныхъ, собственно изобрѣтеніе Французскаго образованнаго круга, изображаетъ вамъ въ мимикъ своей, людей веселыхъ, искусныхъ, ловкихъ на паркетѣ, легкихъ, изобрѣтательныхъ на игрушки, непостоянныхъ; изображаетъ: тонкость, кокетство, живость, проворство, этикетъ, верхъ утонченности и приличія на бездѣлки. Фанданго составленъ положеній тѣла человъческаго, живописующихъ страсть, безпечность, сладостное изступленіе. Тирольская наполняетъ пляска чувствами истинно патріархальными. Кто видълъ пляшущихъ Молдаванъ, которые берутся руками за пояса другъ друга и медленно поворачиваются, притопывая согласно ногами, тотъ согласится, что если бы заставить человъка плясать насильно, то онъ не могъ бы найти пляски, требующей ловкости, проворства, напряженія менѣе изобрътательности; каждое И силъ однообразное движеніе невольное показываетъ, что ему смертная поднять руку или ногу! — Ни въ одной пляскъ, напротивъ, человъкъ, ломаясь всячески, не принимаетъ на себя столь смълой, важной и отважной молодцеватой осанки, какъ въ мазуркъ: это одушевленная ловкость, спъсь, притворная откровенность, самохвальство, торжество надъ ничъмъ, а наконецъ и вольное, короткое обращеніе съ другимъ поломъ. Даже Венгерская пляска выражаетъ не то: въ ней болъе забавнаго, веселаго и шутовской предпріимчивости.»

«Правда!» закричалъ Карачунъ: «наша Русская пляска выражаеть, напротивь, въ разнообразныхъ движеніяхъ и положеніяхъ одну радость своихъ не И восторгъ изступительный, НО И чувства иныя: искреннюю грусть, веселость, тоску, задумчивость, отвагу, рѣшимость и силу тълесную.»

Въ разговорѣ этомъ, продлившемся до самаго объда, участвовали всъ, кромъ Охина. Онъ, сидя у окна, перелистывалъ разговоры. Польскіе Насталъ Человъкъ верхомъ въ сюртукъ съ красною бѣлыми выпушкою пуговицами, И остановилъ коня своего подъ низкимъ окномъ казармы, какъ Капитанъ называлъ общую квартиру офицеровъ, и этотъ, съ восклицаніемъ: здравствуй, воскреситель! выскочилъ въ окно, обнялъ Штабъ-лекаря и спросилъ, не привезъ ли онъ ему въ гостинецъ горькаго набору. «Я слабъ желудкомъ,» продолжалъ онъ: «а чаю въ ротъ не беру, такъ надобно чѣмъ нибудь подкрѣпить молодость свою.» Потомъ, снявши феску съ головы, нагнувшись, и поглаживая себя по лысинѣ, прибавилъ: «вотъ, чудотворецъ, тебѣ задача — вспаши, взборони и посѣй, хоть кудряваго чебреца, хоть долговолосой кукурузы!»

«Прежде всего, вотъ **ЭТО,**≫ сказалъ Докторъ, вступая съ нимъ ВЪ комнату, ему бумагу здоровался подалъ И офицерами. Всв его встрътили дружески, пожимая руку. Если Медикъ, достойный своего, умъетъ нибудь сколько званія обживаться съ людьми, то отношеніе его съ бываетъ болѣе однополчанами нежели пріязненное, дружеское. Въ самомъ дълъ, составъ полка, ВЪ есть звено, эту цѣпь постепенной входящее ВЪ И непрестанной подчиненности, но не менъе того, необходимое для поддержанія цълаго. нимъ, иногда a съ полковымъ Священникомъ, если онъ довольно образованъ, можно, забывшись на время, развлеченіе бесѣдою вещахъ, 0 непринадлежащихъ собственно къ службъ. Офицеры между собою такъ обжились съ этимъ предметомъ, что могутъ находить отрадное разнообразіе въ разговоръ только помощію посторонняго собесъдника, который заставляеть ихъ забывать на одинъ мигъ полезныя и необходимыя, но не менъе того однообразныя занятія свои, которыя, какъ привидънія, являются имъ во всякомъ предметь, ихъ окружающемъ. Кромъ того собою разумъется, что Медикъ, само умѣющій заслужить довѣріе, пользуется любовію уваженіемъ И ВЪ немъ нуждающихся. Но не бываетъ безъ И непріятностей разнаго которыхъ рода, избъгнуть иногда весьма трудно, особенности принадлежитъ ВЪ коимъ крайне затруднительное положеніе его, если могутъ офицеры не ладить СЪ

Полковникомъ, а сей послѣдній, опираясь на немъ, ставитъ его въ два огня. Я говорю обыкновеніи несносномъ требовать командировъ, ОТЪ Медика каждый разъ, если офицеръ заболѣваетъ, TO свидътельства. письменнаго на счастію, командировъ такихъ немного. Это, несовмѣстно ваша, СЪ подчиненные воинскою, даромъ не жалуются на оскорбленное честолюбіе! Это должно дълать съ разборчивостію, и только тамъ, гдъ офицеръ подаетъ явный къ тому поводъ. Если офицеръ и подлинно иногда вынужденъ бываетъ прибѣгнуть единственному средству, чтобы избавиться гласныхъ непріятностей, сказаться больнымъ и посидъть два дня дома, то что дѣлать Медику, который остается напримъръ чувствительнаго у нашего сердца долженъ пересвидътельствовать въ короткое время всъхъ до одного? Надобно слишкомъ быть увърену въ совершенномъ свидътельствуемаго, здоровьѣ чтобы сказать объ офицеръ, товарищъ своемъ: онъ лжетъ и притворяется, и все это по

строгой формѣ и на бумагѣ!! А можно ли всегда опредѣлять съ такою достовѣрностію степень какой нибудь небольшой немочи, безъ которой, можетъ быть, рѣдкій изъ насъ проводитъ нѣсколько дней сряду? Съ другой стороны командиръ требуетъ этого, и, при случаѣ, жалуется, налегаетъ на своего медика, который всегда болѣе или менѣе, у него въ рукахъ.

Въ бумагъ, которую Докторъ подалъ Капитану, заключалось повелѣніе на имя сихъ двухъ, освидътельствовать строжайше Поручика и Кавалера Охина, и представить за общимъ подписаніемъ о томъ, что будетъ найдено, свидътельство. «Боленъ,» сказалъ Капитанъ: «видитъ Богъ, боленъ. Онъ, съ Воскресенье, свихнулъ Субботы на голову.» — «Голова и сердце,» замътилъ Карачунъ: – «всё не на своемъ мъстъ: первая въ груди, второе на плечахъ!» — «Кончимъ скорѣе,» отвъчалъ Докторъ, и подошель съ улыбкою къ Охину. «Здоровъ или боленъ?» – «Боленъ,» отвъчалъ этотъ, не вставая съ мъста и глядя въ окно. – «Еще спрашиваю,» разъ продолжалъ

лекарь, положивъ руку ему на плечо: «твое слово въ строку пойдетъ, Охинъ: боленъ здоровъ?» — «Боленъ, боленъ,» отвъчалъ Охинъ, вскакивая съ мъста, и проглотивъ слезу, которая было едва не навернулась: «я въ самомъ дълъ боленъ; завалило грудь, Я едва дышать!» — «Откашляешься со временемъ, всё пройдеть;» отвѣчаль Докторъ: «подайте же, если такъ, листъ бумаги, перо и чернилицу; печать и сургучъ я взялъ съ собою, ибо знаю, что у васъ нътъ ни того, другаго!» — «Бумаги!» возгласилъ Капитанъ: между прочимъ ≪a водки! Воскреситель нашъ хочетъ СЪ дороги выпить!» Но бумаги ни въ чемоданахъ, ни подъ столами, ни даже у деньщиковъ не Мишка, снабженный случилось; и такъ двумя грошами, отправился отыскивать листа бумаги у Жидовъ. Между тъмъ герои ожиданіи бумаги, наши, BO удовольствовались закускою.

VII.

PEKOTHOCUMPOBKA.

Воть вась бы съ тетушкою свесть, Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть! Грибоъдовъ.

«О чемъ вы двое, Орестъ и Пиладъ, въ прошедшую Среду вечеромъ, хохотали?» спросиль Докторъ Карачуна и Костромина. Оба глядъли на удивленіемъ, и Карачунъ держалъ еще на воздухѣ хвостикъ селедки, который понесъ было чинно двумя пальчиками въ ротъ. – «Объяснись, всевъдущій, я не помню: когда и гдѣ?» — «Въ Среду, часу въ шестомъ что ли, проходя черезъ базарную площадь, отъ жидовскаго бильярда, сюда, на квартиру,» отвъчалъ Докторъ: «но чтобы не терзать долѣе и не останавливать вашего пищеваренія, прибавлю, TO что пани Комисарова видъла и слышала все это въ немедленно увѣдомила И окно, насъ, штабныхъ, объ этомъ, при посѣщеніи пріятельницы своей, нашей пани Подкоморжины.»

Друзья наши разсмѣялись. «На этотъ сказалъ Костроминъ: «лазутчики тайну, не ваши напали на слишкомъ черезъ Мы важную. ШЛИ площадь встрътили – козла на дрожкахъ; смъйся; да, козла на дрожкахъ! Большой бълый козель пана Эконома находился нъсколько времени въ бъгахъ; а по немъ, какъ по дома, очень другѣ скучали. Выѣхавъ однажды за село, панъ Экономъ встрътилъ бъглеца, напалъ на оплошнаго, поймаль его, связаль отправилъ И Это дрожкахъ своихъ домой. зрѣлище нѣкоторымъ подало поводъ КЪ намъ общимъ размышленіямъ, при которыхъ мы оба, и Карачунъ и я, правда, хохотали отъ души. Карачунъ первый замътилъ, что на дрожкахъ сидълъ не панъ Экономъ, козель; а это намъ нъсколько объяснило, почему сегодня у съдока оказались рога, которыхъ прежде, по видимому, не бывало; но я не могъ удержаться отъ невиннаго

первый ли разъ вопроса: ВЪ на дрожкахъ разъвзжаетъ съ такою важностію рогатый звърь? А злодъй Карачунъ сдълалъ обшее приложеніе вопроса моего ко всему тому, что только разъвзжаеть по бълу свъту, не только на дрожкахъ, НО даже коляскахъ, ВЪ каретахъ.... Во-первыхъ, сказалъ онъ, не всегда такъ ясно видно, что проъзжающая дъйствительно особа И несомнънно принадлежитъ къ роду животныхъ; вовторыхъ, рѣдко можно съ такою точностію, этомъ случав, опредвлить, роду и какому виду скотина именно принадлежить; далѣе: животное дрожкахъ связано по рукамъ, по ногамъ, и кучеръ держить его за рога; у подъвзда хозяйка выбъгаеть, радостно встрвчаетъ нъжно оплаканнаго друга своего И лобызаетъ, между тѣмъ знакомый какъ усачъ черной венгеркъ, намъ ВЪ уже таинственный вездѣ и нигдѣ, осторожно рогатому, опасливо подходитъ КЪ И спрашиваеть, не дерется ли онь. Хозяйка увъряетъ, что смирнъе этого чудака, не

смотря на огромные крученые рога его и широкій костяной лобъ, нътъ на свътъ! Какое обширное поле для размышленія, любезный Данило; сообрази только все это! Козель глупо трясеть головою и бородою, и заикается: ме-э-э-э..... А ребятишки, дъти пани Экономовой, садятся всъ бѣднаго козла, этотъ, повиливая И себъ, хвостикомъ, везетъ ихъ на своихъ! Но теперь входитъ на дворъ и самъ панъ Экономъ, пъшечкомъ, тихо подходитъ къ дражайшей половинъ своей, и кричитъ ей на ухо: ме-э-э-э.... Это ты, другъ мой, мой коханый, говорить она и обнимаеть его нѣжно, между тѣмъ, какъ изумленный гость кланяется отступаетъ, неловко, недовърчиво глядитъ на него, какъ будто бы также хочетъ спросить: не бодается ли онъ? но ребятишки, увидъвъ папеньку, забывають козла, прибъгають, въшаются всѣ на него, и онъ, кряхтя подъ ношею, ихъ всъхъ на себъ, вслъдъ тащитъ драгою половиною въ комнаты. О Данило!» ближе продолжалъ онъ, подходя Доктору, и положивъ наконецъ руки на оба

его: «зачѣмъ не живописецъ? плеча Я зачъмъ мнъ суждено, какъ баснословному Танталу, видъть и постигать сокровища эти, пищу жадной души; насытясь ими, безвременную оплакивать смерть отпъвать въ воображеніи своемъ, хоронить безднъ мыслей бывалыхъ, править тризну кой-когда, нимъ, ПО воспоминаніями, присутствіи друзей, ВЪ которые меня понимають, и не быть въ состояніи соорудить имъ по крайней мѣрѣ, иждивеніемъ, своимъ памятникъ надгробный, несокрушаемый, вѣчно Данило!» гласящій! $\mathbf{O}$ воскликнулъ вдохновенный: «не дай умереть имъ безъ пособія отраднаго, воскреситель, чудотворецъ, исцѣли, спаси ихъ!»

Данило, пожавъ руку его, отвъчалъ: «Такъ какъ ты меня теперь умоляешь, дружище, не разъ молила мать о исцъленіи младенца, братъ о сестръ, сестра о другъ — но милые ихъ угасали, какъ пестрыя картины творческаго воображенія твоего, погружались въ въчность, какъ онъ; время мгновенно расторгало узы между нами и

ими, увлекало скорбящихъ мірожителей впередъ, съ собою, а тъ, и вся ихъ дружба, и жаркая любовь, и тъсныя живыхъ живыми всё связи, тонуло ЭТО безпредъльности, обращалось въ былое! Не върь, Костроминъ, не върь и ты, Карачунъ, братья, вы, не върьте бъдствующее, ничтожное ремесло Это гиганты, посягающіе на Зиждителя; это пышное, великолъпное огнедъліе, послъ сожженія коего остаются обгорѣлыя щепки, лучины и свертки; это водометь, гремящій подъ небеса плотнымъ водянымъ столпомъ, и разсыпающійся ничтожною пѣною!»

«Грѣшишь,» возгласилъ Капитанъ, указывая на широкій рубецъ обнаженной груди своей: «а это что?» — «Это, тою же плотью связалось,» отвѣчалъ Данило: «изъкоторой весь ты созданъ!»

«Грѣшишь,» Герстенмейеръ, сказалъ лѣвую икру поглаживая свою: что?» - «Засхло, якъ на собацѣ,» отвъчалъ Докторъ – «если не прогнѣваешься Малороссійскую поговорку, гласящую моей вины истину: ТУТЪ столько же,

сколько у Капитана волосъ на лысинъ.» – «Грѣшишь,» сказалъ Карачунъ..... — «Полно, полно хвалиться, друзья мои,» возразилъ Докторъ; «знаю, что вы служили грудью, и что изъ всъхъ насъ, можетъ быть, я одинъ не раненъ; но за то, надъюсь, окажете мнъ справедливость засвидътельствовать, что ръдкаго изъ васъ поражала пуля или сабля не въ моихъ глазахъ!» — «Правда!» возгласили всѣ въ голосъ, теснились около Данилы пожимали ему руку. – «Здравствуй же!» возгласилъ Капитанъ, придравшись къ сей върной оказіи, и осушиль рюмку свою.

Мишка принесъ измятый листъ сѣрой бумаги. Докторъ обрѣзалъ его, сѣлъ и написалъ:

«На основаніи предписанія Командира Карасу-базарскаго Драгунскаго Г. Полковника и Кавалера Галлебера, отъ 17 Августа 1830 года за № 829-мъ. свидътельствовалъ обще Я, СЪ Г. Капитаномъ Кавалеромъ И Старобыховымъ, жъ онаго полка Г. Поручика Охина, причемъ и оказалось,

будучи нъжнаго, сложенія что удобораздражаемаго, полнокровнаго, дъйствительно страждетъ тупою болью и затруднительнымъ дыханіемъ отъ прилива крови къ грудной полости (Dolor pectoria obtusus et difficultas respirandi, ab orgasmo əanguiniə congeətivo); но, опредълить мъру и степень недуга сего, съ поясненіемъ, въ Г. Поручикъ состояніи исправлять возложенныя на него по службъ обязанности, или нътъ, какъ то именно предписывается онымъ повелѣніемъ, добросовъстномъ исполненіи своего, отнюдь не въ состояніи; почему и должно, по мнѣнію нашему, рѣшеніе сего вопроса предоставить собственному чувству немогущаго, тъмъ болъе, что болъзнь сего рода непостоянна и въ припадкахъ своихъ разнообразна. Въ весьма чемъ свидътельствуемъ, за подписаніемъ общимъ нашимъ, а я, съ приложеніемъ герба моего печати. Августа 17 дня 1830 года. Старшій Карасу–базарскаг о Драгунскаго Карасу-базарскаго N. N. полка

Драгунскаго полка Капитанъ Старобыховъ.»

Вошелъ Мишка и доложилъ, что къ заднимъ воротамъ подъвхалъ, на плетеной бриченкъ, Жидъ и просилъ переговорить съ господами. Какой Жидъ? Зачѣмъ? Позови Дверь растворилась и явился башмакахъ нашъ, ВЪ знакомецъ чулкахъ безъ пятокъ, задниковъ, ВЪ Мойшель, арендаржъ пана Жабруцкаго. Поклонъ, другой, третій, и, бокомъ, началъ онъ подвигаться вдоль стъны къ братіи нашей. Я бы не кончилъ сегодня, если бы захотълъ пересказывать всъ ужимки его и приближеніе осторожное къ предмету своему помощію двусмысленнаго: тего, овего.... и всё это при але...азе... обшемъ хохотъ шуткахъ И присутствующихъ, что его однако же ни сколько не смущало; наконецъ онъ попалъ въ колею, и, опасливо озираясь, спросилъ таинственно, правда ли, что панове Капитанове, т. е. что господа Капитаны, разобрать намърены дочерей Жабруцкаго. Громкій, общій хохотъ едва не

сбилъ присълъ, его онъ СЪ ногъ; естественной осторожно возрастая ДО величины и лѣпоты своей, окидывалъ всѣхъ проницательнымъ очереди лукавымъ взоромъ черныхъ искрящихся очей своихъ. Конецъ пъсни, послъ длиннаго азе... але... азе... былъ тотъ, что онъ, основываясь на слухахъ, на догадкахъ, и на томъ, видълъ поздно вечеромъ проходя мимо саду въ Чаповцъ, пріъхалъ предостеречь пановъ Капитановъ, и въ то же рекомендовать домъ пана Пршепловецкаго, отца, гдъ дъвицы скромны и житницы полны!

Карачунъ Костроминъ И насилу Герстенмейера, который, черешневый выдернувъ чубукъ Турецкой трубки своей, уже возносилъ мстительную десную свою, орудіемъ симъ вооруженную, надъ раменами Израильтянина. Охинъ сидълъ у окна, какъ пораженный ударомъ. Одинъ мигъ, и пани Комисарова только могла видъть и узнать, проницательнымъ взоромъ своимъ, Мойшеля, который, помахивая непрестанно

прутомъ, на концѣ котораго былъ навязанъ какой-то обрывокъ, мчался во весь духъ въ бричкѣ своей по пыльной дорогѣ.

VIII.

PACIIIOXB.

Что за коммиссія, Создатель, Быть взрослой дочери отцемъ! *Грибовдовъ*.

Прошли дни, недъли однообразной жизни героевъ нашихъ. Охинъ не сдержалъ объта своего, не сидълъ дома, а проживалъ большею частію у паньства Жабруцкихъ, и невольно чуждался нѣсколько товарищей своихъ. Онъ не стрѣлялся съ Мойшелемъ, какъ то ему совътовалъ Костроминъ, но проъзжалъ за то всегда мимо корчмы его Капитанъ рысью; a ВЪ тотъ же день отправилъ къ Мойшелю, черезъ нарочнаго, нъсколько бутылокъ наливки, которыя какъ

оказалось, были оставлены Жидомъ при посъщеніи своемъ, въ деньщичьей комнатъ, объявить велѣлъ ему краснорѣчивыя и убѣдительныя уста своего усатаго, широкоплечаго валета, Мойшель, на все время стоянки эскадрона Огиркахъ, числилъ забракованнымъ выранжированнымъ, проданнымъ съ аукціоннаго торга за три съ полтиною на чужія руки — однимъ словомъ, стертымъ съ лица несуществующимъ, и чтобы въ слъдствіе сего, подъ карою висълицы, отнюдь и ни предлогомъ смѣлъ какимъ подъ не драгунскіе попадаться глаза; на a эскадрону отдалъ приказъ: бить его каждому драгуну, гдъ кто ни встрътитъ!

Охинъ уже сказался здоровымъ, ѣздилъ Штабъ, изложилъ причины, ВЪ побуждающія его отказаться первый на случай отъ почетной должности Адъютанта, причины, которыхъ и самъ Полковникъ Галлеберъ и чувствительное сердце устранить не могли, получиль разрѣшеніе Корпуснаго Командира: жениться на

Софіи, дпвицп дочери помѣщика Жабруцкаго, и, блаженствуя, встръчалъ съ выспренняго полета торжествующимъ преображеннымъ взоромъ все то, что вокругъ его пресмыкалось долу, въ ничтожной суетности мірской, грязло во прахѣ плоти! Товарищамъ его оставалось только себя принять на присемъ страдательныхъ, обязанность лицедъевъ поздравить его и желать ему дружески всего, чего только мы собрату нашему состояніи. «Обдѣлилъ пожелать ВЪ пѣхоту,» ворчалъ Капитанъ. – «Мойшель худой пророкъ,» не говорилъ Костроминъ. – «Дай Богъ, чтобы козелъ нашъ не оказался въщуномъ,» сказалъ Карачунъ: «а мнъ отъ него что-то отбою нътъ, все въ глазахъ мерещится! Но еще предвъщаніе Мойшеля вполнъ не исполнилось, это только $o\partial \mu a$, а ихъ mpu!» Онъ взглянулъ на Герстенмейера, который распутывалъ трехцвътные снурки и кисти Лифляндской трубки своей и, зардъвшись, промолчалъ. «Ужъ вы съ своимъ козломъ,» возгласилъ Капитанъ: «затвердили

сорока Якова, одно про всякаго! Само собою разумъется, что въ баню итти, такъ и пару не бояться; удается казаку быть и на конъ и подъ конемъ, это не новое!»

Вошель блаженствующій женихь и просиль всѣхъ товарищей своихъ на утро къ будущему тестю своему, на помолвку, и обѣщалъ пировать съ ними тамъ три дня. Весь полкъ будетъ, даже Полковникъ, и Балаклавцы, т. е. драгуны одной съ Карасубазарцами бриг ады.

Гости подлинно съѣхались, пировали, ликовали; офицерскія палатки и шатры были раскинуты живописно вокругъ семибашеннаго замка пана Жабруцкаго, и этотъ, гордо озирая многолюдное стеченіе, коего онъ былъ средоточіемъ, воображалъ удъльнымъ Княземъ а гостей себя вассалами своими. Разливное море потъхъ полилось съ самаго утра, и затъямъ не конца. Первый день провели было забавахъ и пиршествъ домашнихъ, а другой былъ назначенъ для охоты, коей ВЪ долженствовали участвовать всъ гости. Жабруцкій при Панъ **ЭТОМЪ** случаѣ

блеснуль оружейною своею и арсеналомъ, драгоцѣнныя богатыя ружья, И наканунѣ уже штуцеры, винтовки были выставлены на показъ ВЪ богатоукрашенныхъ пирамидахъ, СЪ мѣдными блестящими большими, Особенные были шатры колпаками. разбиты для дворовыхъ охотниковъ, окружной скорую руку изъ ШЛЯХТЫ собранныхъ, часовой, ВЪ И полномъ вооруженіи стрѣлка, важно расхаживалъ между пирамидами. Съ разсвѣтомъ другаго дня, лагерь снялся, караванъ тронулся, и опустѣлъ. стихъ Женскому И замокъ обществу было назначено общее рандеву на условленномъ мъстъ, въ три часа, гдъ уже будуть разбиты шатры и куда возьметь Нимвродово направленіе поколѣніе все Діаны. Панъ Жабруцкій подъ ЭГИДОЮ закидываль облаву за облавой; пятьсоть мужиковъ, конныхъ и пъшихъ, обхватывали полукружіемъ поле за полемъ, весь весью, лѣсъ лѣсомъ, за И ставили неумолимыхъ стрълковъ и звъря, и лису, и козу, и зайца. Громкій гикъ голосистыхъ

крикуновъ, звонъ колокольчиковъ, стукъ дробь сковороды, трещотокъ раздавались съ одной стороны; звучные одинокіе выстрѣлы съ другой, и уже всѣ кромъ стрѣлки Полковника наши, Галлебера, чувствительное коего сердце непричастно и недоступно такого увеселенія, варварскаго онъ МОГЪ проливать крови, - всѣ стрѣлки, говорю, болѣе или менѣе, могли похвалиться проглядками промахами, И удачными выстрѣлами, когда Охинъ, стоявшій за густымъ кустомъ, послышалъ передъ собою въ отдаленіи глухой шелесть. - Все опять стихло, Охинъ, съ усиленнымъ И напряженіемъ возрастающимъ внимая постепенно своей силъ голосамъ, ВЪ приближающихся противоположной СЪ стороны крикуновъ, взвелъ курокъ, и, съ біющимся сердцемъ, сильно выжидалъ неизбѣжнаго мгновенія, которое рѣшить долженствовало участь притаившагося звъря... Это лиса, думалъ восторженный, и старая лиса; но теперь ей моихъ рукъ не миновать! Сердце у него отъ

нетерпънія стучало вслухъ. Громче, громче сливной гулъ, ближе звонкіе возмутителей покоя, спасающихся бъгствомъ обитателей лъсовъ дремучихъ – было отличать одиночные онжом рѣзкія Теперь, голоса трещотки. И подумаль Охинъ, теперь крайній срокъ твой и самъ притаилъ наступаетъ, духъ нетерпънія. всполошилось: Вотъ кусты хрустять - Пафъ! грянулъ Охинъ однимъ стволомъ, пафъ! другимъ, пафъ, пафъ! бѣглый огонь сосѣди пустили его однополчане.....

Ръзкій крикъ человъческаго голоса поразилъ изумленныхъ стрълковъ. Они бросились въ чащу лъса, и увидъли.... чъмъ начать, скажите, и чъмъ кончить? кого увидъли, съ къмъ, и зачъмъ они здъсь? здъсь, гдъ сегодня не надлежало быть никому, кромъ зайца или лисицы, волка или крылатой ногами серны?

«Горностай и рысь!» возгласиль Капитанъ, который первый пришелъ въ себя, когда дъло обнаружилось: «рысь и

горностай! а! два рѣдкіе звѣря въ этихъ странахъ!»

Соберусь съ духомъ, и скажу въ двухъ словахъ, что случилось; ибо умолчать объ этомъ не могу, да и любопытство читателей молчаніемъ удовлетворится. не Усатый рябой Полякъ въ черной венгеркъ, таинственный вездъ и нигдъ, какъ мы его прозвали, имълъ надобность переговорить еще сегодня съ тою дъвицею, которая такъ мило отхватывала съ нимъ мазурку, и, по примъру цълаго общества, которое призадумалось себъ обшее назначить рандеву послъ охоты, испросилъ себѣ частное, на перепутьъ къ первому, но, по несчастію, оно было такъ худо расчитано, облавы! пятой что вошло ВЪ округъ Бесъдующая чета наша какъ-то зазъвалась замѣтила ошибку свою, когда крикуны гикнули съ одного конца лѣса и слъдовательно стрълки обставили другой; кидалась сюда, наконецъ туда, она цѣпи, бросилась вдоль надеждѣ ВЪ выскочить съ боку – шутка, которая и лисъ не всегда удается! А они набъжали прямо

на лѣвое крыло стрѣлковъ, гдѣ фланкировали пріятели наши, драгуны!

Капитанъ, Карачунъ, Костроминъ Докторъ сбъжались около подстръленнаго усача въ венгеркъ, на котораго Охинъ руку наложиль, первый давъ задатокъ салютъ изъ двухствольнаго ружья своего, и Данило объявилъ, что синякамъ отъ крупной дроби на тълъ усача счету не будеть, и около дюжины, другой надобно будетъ закожныхъ ранъ покопаться, чтобы выръзать дробины, но что, по видимому, опасности не предстоитъ ни малъйшей. – Уже облава выказывалась просвѣтахъ лѣса. Драгуны схватили поспъшно добычу свою, потащили съ собою и отправили на первомъ Бъленькій возу воловьемъ ВЪ село. горностай нашъ благополучно и не бывъ болъе ни къмъ замъченъ, достигъ Чаповца.

Охинъ былъ безъ ума, безъ языка; но пріятели наши приступили къ нему и требовали отъ него рѣшительно, чтобы онъ передъ ними объяснился открыто, что онъ намѣренъ теперь дѣлать? «Что хотите,»

отвъчалъ тотъ, бросившись въ объятія друзей: «дълайте, что хотите.... меня здъсь никто болъе не увидитъ; я сажусь на коня, и ъду безъ оглядки въ Огирки!»

Карачунъ Костроминъ, Докторъ, И между собою, потолковавъ во-первыхъ, Капитана СЪ кто И слово присутствоваль при этомъ явленіи, отнюдь нигдѣ не разглашать о томъ, что случилось; пана Жабруцкаго, отыскали крайне удивили его нежданнымъ извъстіемъ объясненіемъ. Онъ мялся, жался, горячился, плакалъ, ЧУТЬ не опять горячился, но все не въ прокъ: наши три пріятеля оставались твердыми ръшительными въ мърахъ своихъ, и Панъ Жабруцкій наконецъ съ благодарностію принужденъ былъ позволеніе принять благородныхъ посредниковъ, чтобы отказъ послѣдовалъ со стороны отца и невѣсты. Онъ объявилъ послѣ охоты сотрапезницамъ собутыльникамъ своимъ СЪ обстоятельства надменнымъ что: непредвидѣнныя вынуждаютъ его отказать

жениху въ день самой помолвки. Къ счастію, прибавиль онъ, еще время!

Пусть досужіе читатели пишуть по этому полю пораженныя лица присутствовавшихь; пусть прислушиваются къ толкамъ и пересудамъ всѣхъ повѣтовъ Подольской губерніи; замѣчу только, что Охину урокъ этотъ не помѣшалъ: къ нашему брату сплетни и оговоры не льнутъ, они съ насъ — какъ съ гуся вода; къ счастію, мы не красныя дѣвицы!

Друзья наши, возвращаясь вечеромъ раздумьѣ домой, согласно опять ВЪ затянули: не одна-то во полѣ дороженька Карачунъ пролегала; хохолъ всегдашній запъвало; Юнкеръ, братъ его, тонкимъ голосомъ выносилъ и заливался въ плясовыхъ, подголоски подхватывали, кони ихъ шагали въ мфру. Удивленный Мойшель подстерегь отставшаго нъсколько Капитанскаго драгуна, и объявилъ ему, что Охинъ проъздомъ вызвалъ его и подарилъ ему, далибукъ не въмъ за цо, дукатъ! т. е. червонецъ. Пани Комисарова до половины высунулась изъ окна своего тёмную на

провожая улицу, взорами отрядъ, достовърнымъ извъстіямъ, которому, ПО воротиться надлежало только Галлеберъ высъкъ Аполлона и Минерву за то, что не могъ вывъдать отъ офицеровъ истинной причины отказа. Охинъ поступилъ въ Адъютанты, и старался, мотаясь между швальной, Канцеляріей и музыкантскою, нельзя было передълать. забыть, чего «Откашляешься, и пройдеть!» утвшаль его Данило. Герстенмейеръ намоталъ на усъ неудачную попытку Охина, и восхищался тъмъ, что неучу-мазуристу разстръляли венгерку и испестрили шкуру; а Капитанъ пріобщаль къ числу поговорокъ своихъ восклицаніе: «рысь и горностай! — ръдкіе звъри въ нашихъ странахъ; этому будутъ со временемъ удивляться, не менъе того какъ мы дивимся нынъ, читая въ лътописяхъ, что у насъ въ Подмосковной водились бобры!!!» и каждый разъ послѣ спрашивалъ: «между прочимъ — водки!»

В. ДАЛЬ